

Говард Филлипс Лавкрафт

Картинка в старой книге

(The Picture in the House)

Искатели острых ощущений любят наведываться в глухие, потаенные места. Они охотно посещают катакомбы Птолемеи и узорчатые мавзолеи гиблых полуденных стран, забираются на залитые лунным светом башни полуразрушенных рейнских замков и сходят вслепую по стертým ступеням в провалы, зияющие чернотой среди руин заброшенных азиатских городов. Дремучий лес с нечистой силой, безлюдный горный кряж служат для них объектами паломничества, и они подолгу кружат возле таящих немую угрозу монолитов на необитаемых островах. Но подлинный ценитель ужасов, который в каждом новом впечатлении, полном неопишуемой жути, усматривает конечную цель и смысл существования, превыше всего ставит старинные усадьбы, затерянные в новоанглийской глуши, ибо именно там силы зла пребывают в своем наиболее полном и первозданном обличье, идеально согласуясь с окружающей их атмосферой суеверия и невежества.

Ничто не являет собой картины столь пугающей и безотрадной, как неказистый деревянный дом, расположенный вдали от проезжих трактов на сыром травянистом косогоре у подножья гигантского выхода скальных пород. Сотни лет простоял он так, и все это время вились и ползли по его стенам виноградные лозы, а деревья в саду разрастались вширь и ввысь. Ныне его почти не разглядеть среди буйных лесных зарослей, и только крохотные оконца иногда выдают его присутствие своим тревожным блеском, словно напоминая о безумных ужасах, спасение от которых можно найти лишь в бесконечном мертвенном оцепенении.

В таких домах поколение за поколением живут самые странные обитатели, каких только видывал свет. Фанатичные приверженцы жутких верований, сделавших их изгоями среди людей, — они прибыли сюда вместе с остальными переселенцами, чьи предки в поисках свободы селились на безлюдье. Здесь они жили в достатке и покое вне тех ограничений, что сковывали их сограждан, но сами при этом оказывались в постыдном рабстве у мрачных порождений собственной фантазии. В отрыве от цивилизации и просвещения все душевные силы этих пуритан устремлялись в совершенно неизведанные русла, а болезненная склонность к самоограничению и жестокая борьба за выживание среди окружавшей их дикой природы развили в них самые мрачные и загадочные черты характера, ведущие свое происхождение из доисторических глубин холодной северной родины их предков. Практичные по натуре и строгие по убеждениям, они не умели красиво грешить, а когда грешили — ибо человеку свойственно ошибаться, — то более всего на свете заботились о том, чтобы тайное не сделалось явным, и потому постепенно теряли всякое чувство меры в том, что им приходилось скрывать. Одни лишь старые заброшенные дома, дремлющие в лесной глуши, могли бы поведать о том, что от века покрыто тайной, но они смертельно боятся стряхнуть с себя дремотное забытие. Порой поневоле подумаешь, что для самих этих домов было бы лучше, если бы их снесли, — ведь они, должно быть, часто видят сны.

В одном из таких сооружений, ветхом и покосившемся, мне однажды пришлось искать убежища от внезапного проливного дождя. В ту пору, в ноябре 1896 года, я путешествовал по Мискатоникской долине, собирая информацию об истории этого края и его жителей. Предполагая, что путь мой затянется и будет извилистым и кружным, я решил воспользоваться велосипедом, несмотря на то что время года отнюдь не располагало к такому виду транспорта. Непогода застигла меня на по всем признакам заброшенной дороге, которую я выбрал в качестве кратчайшего пути до Аркхема. Населенных пунктов поблизости не было, и единственным укрытием могло послужить старое и невзрачное бревенчатое строение, тускло поблескивавшее оконцами меж двух исполинских вязов у подножия каменистого холма. Хотя дом этот находился на довольно приличном расстоянии от того, что некогда называлось дорогой, он с первого же взгляда произвел на меня крайне невыгодное впечатление. Порядочные здания не тарашатся на путников столь вызывающим и бесцеремонным образом. Кроме того, в ходе моих генеалогических изысканий мне попадались легенды вековой давности, изначально настроившие меня против подобного рода мест. Однако разгулявшаяся не на шутку стихия не позволяла мне быть слишком щепетильным, и я без колебаний подкатил по травянистому склону к закрытой входной двери.

Сначала я почему-то решил, что дом оставлен жильцами, однако, когда я приблизился к нему, уверенность моя сильно пошатнулась, ибо, несмотря на то, что все дорожки густо поросли сорной травой, они все же сохранились несколько лучше, чем можно было ожидать в случае полного запустения. Поэтому, прежде чем толкнуть входную дверь, я постучал, ощущая при этом какую-то необъяснимую тревогу. Замерев в ожидании на неровной мшистой глыбе, заменявшей собой порог, я беглым взглядом окинул стекла соседних окон и фрамуги над дверью и отметил, что все они хорошо сохранились, хотя и были покрыты толстым слоем пыли и дребезжали при каждом порыве ветра. Значит, дом по-прежнему был обитаем, несмотря на всю его видимую запущенность. Однако на стук мой никто не отозвался. Постучав на всякий случай еще разок, я взялся за ржавую щеколду и обнаружил, что дверь не заперта. Взору моему открылась тесная прихожая с обшарпанными стенами; в воздухе ощущался едва уловимый, но тем не менее весьма неприятный запах. Я вошел в дом с велосипедом и затворил за собой дверь. Впереди маячила узкая лестница, к которой примыкала дверца, ведущая, вероятно, в погреб, а по левую и правую руку виднелись закрытые двери комнат первого этажа.

Прислонив велосипед к стене, я толкнул дверь слева от себя и проследовал в крохотную клетушку с низким потолком, тускло освещенную сквозь два запыленных окошка и обставленную самой простой и необходимой мебелью. Вероятно, эта комната некогда служила гостиной: в ней имелись стол, стулья и внушительных размеров камин с полкой, на которой тикали старинные часы. Книг и бумаг было немного, и в окружающем полумраке я с трудом различал заголовки. Более всего меня поразил дух глубокой древности, присутствовавший повсюду — буквально в каждой видимой детали интерьера. Большая часть домов в округе изобиловала реликвиями былых времен, но здесь старина сохранилась в какой-то особенной полноте, ибо во всей камерке я не нашел ни одного предмета, который можно было бы с уверенностью отнести к послереволюционному периоду. Не будь эта комната столь скудно обставлена, она могла бы стать подлинным раем для антиквара.

Осматривая эти необычные апартаменты, я все отчетливее ощущал, как во мне растет то чувство беспокойства, что охватило меня с первого взгляда на дом. Я бы не мог с точностью определить, что именно пугало или отталкивало меня; скорее всего, дело было в самой атмосфере дремучей старины, мрачности и забвения. Я не испытывал ни малейшего желания присесть и беспрестанно ходил по комнате, разглядывая все подряд. Первым предметом, привлечшим мое внимание, стала средней толщины книга, валявшаяся на столе и имевшая столь древний вид, что было даже как-то странно лицезреть ее здесь, а не в стенах какого-нибудь музея или библиотеки. Кожаный переплет с металлическими застежками позволил ей сохраниться в отличном состоянии; правда, от этого она выглядела еще более неуместной среди убогой обстановки этой обители. Когда я раскрыл ее на титульном листе, удивление мое значительно возросло, ибо передо мной лежало не что иное, как редчайшее издание отчета Пигафетты о землях Конго, составленного им на латыни на основе записок мореплавателя Лопеса и отпечатанного в 1598 году во Франкфурте. Я был немало наслышан об этом издании, украшенном оригинальными иллюстрациями работы братьев де Брю, и на время позабыл о своих тревогах, охваченный нетерпеливым желанием перелистать страницы книги. Рисунки и впрямь оказались весьма любопытными. Делая их, художники руководствовались поверхностными описаниями и были вынуждены восполнять недостающие детали за счет собственного воображения, в результате чего негры, например, у них вышли светлокожими и с европейскими чертами лица. Вероятно, не скоро бы я закрыл эту книгу, не будь здесь одного, на первый взгляд пустякового обстоятельства, которое подействовало на меня угнетающе и вновь пробудило прежнее ощущение беспокойства. Обстоятельство это заключалось в том, что книга как бы по собственной воле снова и снова раскрывалась на одной и той же картинке под номером 12, где была изображена во всех отвратительных подробностях лавка мясника у анзикейских каннибалов. Мне самому было стыдно, что я так нервничаю из-за какого-то пустяка, но рисунок таки вывел меня из равновесия, особенно после того, как я прочел пояснительные строки, в которых излагались некоторые особенности анзикейской кухни.

Чтобы рассеяться, я повернулся к ближайшей полке и принялся разглядывать стоявшие на ней книги. Их было немного, в том числе Библия восемнадцатого века; «Путь паломника», напечатанный в том же столетии в типографии издателя альманахов Исайи Томаса и снабженный затейливыми гравюрами; полуразложившийся остов «Великих деяний Христа в Америке» Коттона Мэзера и еще несколько книг столь же почтенного возраста. Внезапно мое внимание привлекли звуки шагов в комнате наверху. В первый момент я остолбенел от неожиданности — ведь еще совсем недавно, когда я колотился в дверь, на стук мой никто не отозвался, но в следующее мгновение меня осенило, что, видимо, хозяин только что встал после глубокого сна, и я уже без прежнего удивления продолжал прислушиваться к скрипу шагов, доносившемуся с лестницы. Поступь была тяжелой и в то же время какой-то уж слишком осторожной; такое странное сочетание насторожило меня. Потом шаги замерли, и через несколько секунд, в течение которых обитатель дома, должно быть, разглядывал стоявший в прихожей велосипед, я услышал, как он возится с задвижкой, после чего обшитая дубовыми досками дверь распахнулась настежь.

В проеме возникла персона столь примечательной наружности, что я удержался от изумленного возгласа лишь благодаря тому, что вовремя вспомнил о правилах хорошего тона. Лицо и фигура вошедшего вызвали во мне смешанное чувство испуга и уважения. Передо мной стоял седовласый старец, одетый в рубище, ростом не менее шести футов и, несмотря на возраст и очевидную нужду, еще достаточно крепкого и плотного телосложения. Длинная всклокоченная борода почти полностью закрывала ему лицо, которое имело какой-то неправдоподобно румяный и свежий цвет и было едва тронут морщинами, на высокий лоб ниспадала прядь седых волос, густых, как у юноши. Голубые глаза его, слегка налитые кровью, глядели остро и испытующе. Если бы не вопиющие неухоженность и неопрятность, облик этого человека можно было бы назвать не только впечатляющим, но и благородным. Однако эта неухоженность придавала ему настолько отталкивающий вид, что ни лицо, ни фигура уже не могли поправить положение. Во что конкретно был одет старик, я даже затрудняюсь сказать — в моем представлении это была просто масса лохмотьев, из-под которых торчала пара тяжелых сапог. Нечистоплотность же его превосходила всякое описание.

Как наружность вошедшего, так и тот непроизвольный страх, который он мне внушал, приготовили меня к какой-нибудь грубости с его стороны, и потому я даже вздрогнул от удивления и ощущения какого-то жуткого несоответствия, когда он жестом пригласил меня сесть и заговорил слабым старческим голосом, проникнутым льстивым подбострастием и заискивающим радушием. Выражался он весьма своеобразно — на той примитивной разновидности новоанглийского диалекта, которую я считал давно вышедшей из употребления, — и все время, пока он разглагольствовал, сидя напротив меня за столом, я прислушивался не столько к смыслу, сколько к характерным оборотам его речи.

— Что, небось, под дождик попали? — начал хозяин. — Очень славно, что вы оказались так близко от дома и не погнушались зайти. А то я, вишь, маленько соснул, иначе бы враз услышал. Эх, старость не радость, сынок, а в мои лета самое первое дело — крепкий сон. Далеко ли путь держите? С той поры, как убрали аркхемскую станцию, редко встретишь на этой дороге прохожего человека.

Я ответил, что направляюсь в Аркхем, и извинился за непрошеное вторжение. Старик продолжал:

— Рад видеть вас, юный сэръ. Нечасто сюда навевываются чужаки, так что мне, старику, и словом-то перекинуться не с кем. Сдается мне, что вы аж из Бостона, верно? Самому мне там, правда, бывать не случалось, но городского я если увижу, то всегда отличу. Жил тут у нас в восемьдесят четвертом один горожанин, работал учителем, стало быть, в школе, а потом вдруг куда-то сгинул, и с тех пор о нем ни слуху ни духу...

В этом месте старик как-то странно захихикал, но, когда я спросил его, чем вызван этот смех, он промолчал. По всем признакам хозяин дома пребывал в чрезвычайно веселом расположении духа и не находил нужным скрывать своих причуд, о склонности к каковым можно было догадаться уже по одному тому, как он ухаживал за своей внешностью. Старик продолжал разглагольствовать в том же роде с каким-то даже подозрительным радушием. Между тем мне пришло в голову спросить у него, где он раздобыл такое редкое издание, как «Regnum Congo» Пигафетты. По-прежнему

находясь под впечатлением этой книги, я почему-то никак не решался о ней заговорить. В конце концов, однако, любопытство взяло верх над смутными опасениями, владевшими мной с того момента, как я впервые увидел этот дом. К моему облегчению, старика нимало не смутил мой вопрос, и он отвечал на него охотно и обстоятельно:

— А, эта африканская книжка! Я выменял ее году в шестьдесят восьмом у капитана Эбenezера Хоулта, того самого, который потом погиб на войне.

Услышав имя капитана, я насторожился. Оно встречалось мне несколько раз в ходе моих генеалогических изысканий, правда, насколько я помнил, его не было ни в одном из документов, относившихся к послереволюционному периоду. Я подумал, не сможет ли хозяин дома помочь мне в работе, и решил спросить его об этом чуть позже.

Старик между тем продолжал:

— Эбenezер много лет плавал за море на салеомском купце и в каждом, почитай, порту находил разные занятные штуковины. Книжицу эту, сколько мне помнится, он раздобыл в Лондоне, в какой-то из тамошних лавок, — покойник любил это дело, по лавкам, стало быть, шастать. Я раз гостил у него дома на холме (в ту пору я барышничал лошадьми) и вдруг вижу эту книжку. Уж больно мне картинки приглянулись — ну, я ее у него и выменял. Занятная книжица! Дай-ка я стекла-то нацеплю...

Старик порылся в своих лохмотьях и вытащил на редкость старые и засаленные очки с крохотными восьмиугольными стеклами и металлическими дужками. Водрузив их себе на нос, он взял со стола книгу и принялся любовно ее перелистывать.

— Эбenezер кое-что тут разобрал — она ведь на латыни, — а у меня вот никак не выходит. Мне ее читали учителя — двое или трое — правда, не целиком, и еще пастор Кларк — говорят, он, бедняга, в пруду утонул. Ну-ка, попробуйте, может, у вас получится?

Чтобы убажить старика, я перевел ему один абзац из начала книги. Если я и допустил кое-какие ошибки, старик был не настолько грамотен, чтобы их заметить, — во всяком случае, слушая меня, он радовался, как ребенок. К этому времени общество старика уже начало меня тяготить, и я стал подумывать о том, как бы улизнуть, не обидев его. С другой стороны, меня забавляло детское пристрастие старого невежественного человека к картинкам в книге, которую он не умел читать, и мне было интересно, насколько лучше он справляется с теми немногими томами на английском, что украшали его библиотеку. Простодушие, столь неожиданно выказанное хозяином дома, развеяло большую часть моих опасений, и, продолжая слушать его болтовню, я невольно улыбался.

— Странное дело, как эти картинки заставляют тебя шевелить мозгами. Взять хотя бы вот эту, в начале. Где это видано, чтобы у деревьев были такие листья — прямо как крылья? А люди? Совсем не похожи на негритосов. Да и вообще ни на кого. Я так

думаю, им положено быть вроде наших индейцев, только что в Африке. Иные, гляньте-ка, смахивают на обезьян или каких-то обезьяньих людей, а вот что касается этой бестии, то о такой я даже и не слыхивал.

Старик ткнул пальцем в мифическое существо — вероятно, плод вымысла художника, — представлявшее собой подобие дракона с крокодильей головой.

— А теперь я покажу вам самую славную картинку, где-то здесь она, посерединке...

Голос старика упал почти до шепота, глаза заблестели ярче обыкновенного, движения дрожащих рук стали как будто еще более неловкими, но тем не менее они вполне справились со своей задачей. Книга раскрылась, можно сказать, сама собой — как если бы ее часто открывали именно на этом месте — на той безобразной двенадцатой картинке, где была представлена лавка мясника у анзикейских каннибалов. Меня охватило прежнее беспокойство, но я старался не показывать виду. Самым странным было то, что художник изобразил африканцев похожими на белых людей. Отрубленные конечности и туши, развешанные по стенам лавки, выглядели омерзительно, а мясник с топором на их фоне попросту не укладывался в сознании нормального человека. Однако хозяин дома, похоже, наслаждался этим зрелищем ровно в той же мере, в какой я испытывал к нему отвращение.

— Ну и как она вам? Не видали в наших краях ничего подобного, а? Когда я увидел ее в первый раз, у меня аж дух захватило. Я так и сказал Эбу Хоулту: «У меня от этой картинки поджилки трясутся». Когда в молодости я читал о резне — это было в Писании, про то, как убивали мидианитов, или как их там, — я тогда уже начал смекать, но картинки у меня не было. А здесь нарисовано все как есть. Я, конечно, понимаю, что убивать — это грех, но разве не все мы затем только и родились, чтобы жить во грехе? Вот этот бедолага, которого разделявают на части, — каждый раз, как я взгляну на него, у меня аж мурашки по коже бегут, а я все гляжу и не могу оторваться. Вишь, как ловко мясник отхватил ему ноги. Там, на лавке, лежит его голова, одна рука вона рядом, а другая — по ту сторону чурбана.

Старик пришел в сильнейшее возбуждение, глаза его хищно поблескивали за стеклами очков, и только голос с каждым словом становился все тише.

Мои собственные ощущения едва поддаются описанию. Все безотчетные страхи, что владели мною прежде, возродились с новой силой, и уже в следующее мгновение я осознал всю степень своего отвращения к этому дряхлому мерзкому чудовищу, находившемуся в непосредственной близости от меня. Я более не сомневался в том, что передо мной сумасшедший или по меньшей мере психически нездоровый человек. Старик говорил едва слышно, но шепот его казался мне страшнее любого крика, и, слушая, я трепетал.

— Так вот, значит, я и говорю, что странное дело, как эти картинки действуют на мозги. Если хотите знать, юный сэр, то вот от этой я прямо-таки схожу с ума. Когда я заполучил у Эба книжку, я глядел на нее часами, особенно как послушаю пастора Кларка, когда он, покойник, читал воскресную проповедь. Однажды я проделал

забавную штуку — да вы не пугайтесь, сэр! — просто перед тем, как пойти забивать овец на продажу, я поглядел на картинку, и право слово — забивать овец после этого стало куда веселее...

Старик говорил очень тихо, настолько тихо, что некоторых слов я не мог разобрать. Я прислушивался к шуму дождя и дребезжанию крохотных оконных стекол, улавливая время от времени глухие раскаты грома, необычные для этого времени года; с каждым разом они становились все ближе. Раз чудовищная вспышка молнии и последовавший за ней громовой раскат сотрясли дом до самого основания, но говоривший, казалось, не обратил на это никакого внимания.

— Забивать овец стало куда веселее, и все же, знаете ли, это было не совсем то, что надо. Странное дело, когда тебе что-нибудь втемяшится в башку. Ради всех святых, юноша, не рассказывайте никому об этом, только я готов поклясться перед Богом, что от этой картинки во мне проснулся аппетит к такого рода пище, какую не вырастишь на пастбище и не купишь за деньги. Эй, сидите смирно, что вас взяло? Я же еще ничего не делал, я только спрашивал себя: а что, если я попробую? Говорят, что мясо создает плоть и кровь и продлевает жизнь. Вот мне и стало любопытно: а нельзя ли продлевать свою жизнь еще и еще, если это будет не просто мясо, а нечто большее...

Но старику не суждено было продолжить свой монолог. Причиной этому явился отнюдь не мой испуг и даже не внезапно налетевший ураган — тот самый, в разгар которого я очнулся в полном одиночестве среди дымящихся почерневших развалин. Рассказчика остановило одно, на первый взгляд пустяковое и в то же время не совсем обычное обстоятельство.

Книга лежала между нами на столе, раскрытая на той странице, где была помещена эта отвратительная картинка. В тот момент, когда старик произносил слова «нечто большее», послышался слабый звук, напоминающий всплеск, и на пожелтевшей бумаге раскрытого тома показалось какое-то пятнышко. Я было мысленно погрешил на ливень и протекающую крышу, но ведь ливень не бывает красным. Между тем в самом центре картинке, изображавшей лавку мясника у анзикейских каннибалов, живописно поблескивала миниатюрная алая клякса, сообщающая особую выразительность кошмару, запечатленному на репродукции. Заметив ее, старик оборвал фразу на середине — еще прежде, чем его могло побудить к этому выражение ужаса на моем лице; старик оборвал фразу и бросил беглый взгляд на потолок, в направлении комнаты, из которой он вышел час тому назад. Я проследил за его взглядом и увидел прямо над нами, на потолке, крупное темно-красное пятно неправильной формы; оно росло на моих глазах. Я не закричал и даже не пошевелился, я просто зажмурился. А спустя мгновение раздался сокрушительной силы удар стихии; он разнес на куски этот проклятый дом, кишачий чудовищными тайнами, и даровал мне обморок, который только и спас меня от окончательного помешательства.

Перевод: Олег Мичковский

1993 год